

СОВЕТСКІЕ
ПИСАТЕЛИ

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ
Автобиографии в двух томах
Т о м п е р в ы й

Редактор *А Дмитриева*
Художественный редактор *А Лепятцкий*
Технический редактор *А Трошин*
Корректоры *Л Борец* и *Т. Тихомирова*

✦

Сдано в набор 29/I-1959 г.
Подписано в печать 10/VII-1959 г. А04259
Бумага 70×92¹/₁₆—44 печ л = 51,5 усл печ л
48,7 уч изд л Тираж 30 000 экз
Заказ 51 Цена 21 р 45 к

Гослитиздат
Москва, Б 66, Ново-Басманная, 19

✧

Полиграфкомбинат им Я Коласа
Минск, Красная, 23

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ

АВТОБИОГРАФИИ
В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

Составители

Б. Я. БРАЙНИНА И Е. Ф. НИКИТИНА

Оформление художника

М Ш ЛОСБЕРГА

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Давным-давно назрела необходимость в сборниках историко-литературных документов о жизни и творчестве советских писателей, ибо без такого рода материалов крайне затруднено изучение литературного процесса.

В настоящий сборник входят автобиографии советских писателей *старшего* поколения, чей творческий путь начался в 20-е годы или еще раньше — в предреволюционные десятилетия

Но и писатели старшего поколения здесь представлены далеко не полностью. Мы просим рассматривать этот труд только как скромное начало большой работы по собиранию вечно живых и насущно необходимых историко-литературных документов; мы надеемся, что критики и литературоведы продолжат эту работу.

Построение, размер автобиографий находится в прямой зависимости и от индивидуальных особенностей того или иного писателя, и от количества фактических сведений

В нашем распоряжении находилось много автобиографий, или обрывающихся на раннем периоде творчества, или недостаточно фактичных, поэтому приходилось дополнять их биографическими сведениями и документами.

Мы получали также автобиографии, перерастающие в мемуарное повествование иногда размером свыше десяти печатных листов; тогда приходилось монтировать наиболее яркие, характерные для творческого пути эпизоды

Писатели, к которым мы обращались с просьбой написать автобиографию, за редким исключением с большой готовностью шли навстречу, придавая огромное значение сборнику историко-литературных документов, столь необходимых не только литературоведам, но и самому широкому читателю.

Беспокойное чувство ответственности перед народом вызывает настойчивую внутреннюю потребность самопроверки. Отсюда, может быть, и возникает желание еще раз пережить, проверить для самого себя свой жизненный и творческий путь,

обобщить свой опыт, передать этот опыт молодым поколениям. О такой кровной, живой потребности к обобщению опыта говорили и Гладков, и Федин, и Тихонов, и Маршак, и Полевой, и Стефан Зорьян и многие, многие другие.

К ряду автобиографий даны дополнения, примечания, сноски; если источник их не указан, то они сделаны составителями. Даты рождения обозначены по новому стилю.

Если не указано место опубликования автобиографии, то это означает, что она печатается впервые. Большинство автобиографий находится в архиве составителей, а также в архиве Гослитиздата.

Часть материалов сборника представлена и подготовлена к опубликованию
А. Н. Дмитриевой

АВТОБИОГРАФИЯ ВЕКА

Общественная, организующая, действенная роль литературы после победы Великой Октябрьской социалистической революции необычайно возросла, ибо новая литература призывалась историей служить многомиллионному народу, служить в таких грандиозных масштабах, о которых прежде писатели не могли даже мечтать.

«Наши силы — от революции, равно как и опыт наш от революции Мы, молодые, литературно родились после семнадцатого года» — пишет Л. Леонов в 1925 году.

Еще нигде и никогда передовой писатель не ощущал такой кровной, необходимой связи с народом, и это новое, необычайное и вдохновляющее в литературном труде неудержимо влекло к немедленной деятельности.

Перед писателями Страны Советов открылся большой мир борьбы за счастье человечества, с особой остротой встал вопрос о том, как воплотить высокие требования жизни, идейную страстность революционной борьбы в такое же высокое, идейно страстное искусство.

Рожденная революцией советская литература подарила миру столько необычных, увлекательных, как роман, писательских биографий, такое количество новых, талантливейших и разных книг, что мы до сих пор не в состоянии по достоинству оценить это великолепие.

Наряду с Горьким, Маяковским, Серафимовичем, Демьяном Бедным, Федором Гладковым впервые, едва отгремели громы гражданской войны, прозвучали имена Дмитрия Фурманова, Александра Фадеева, Николая Тихонова, Константина Федина, Леонида Леонова, Михаила Шолохова, Всеволода Иванова, Юрия Либединского, Лидии Сейфуллиной, Петруся Бровко, Кави Наджми, Александра Неверова, Бориса Лавренева, Александра Малышкина, Аркадия Гайдара и много, много других имен. «Имена, — вспоминает о том времени Федин, — имена, имена — десятки имен, совершенно неведомых русской литературе три-четыре года назад и вдруг, после гражданской войны, прянувших из-под земли, действительно как грибы в грибное лето»

В безграничном отчаянии я повторял в те времена: «Никогда, никогда, никогда!» Хотелось бежать с окровавленной планеты, уйти из времени, пространства, вселенной.

Но истинно человеческое сердце не могло вовсе умереть

Караван мой бренчит и плетется
Средь чужих и безлюдных песков.
Погоди, караван! Мне сдается,
Что из родины слышу я зов.

Над пожарищами городов, потоками крови, бесцельными и бесчисленными жертвами донесся наконец и до нас пророческий, потрясающий голос величайшего гения веков — Ленина

Великая Октябрьская социалистическая революция спасла и подняла к жизни армянский народ, стоявший у края могилы. Началось подлинное возрождение, о котором народ мечтал в течение веков».

Это писал народный поэт Армении — Аветик Исаакян.

Перенесемся с гор Кавказа, с берегов древнего синего Севана в густые леса, на луга и поля Белоруссии; и здесь другой поэт, столь отличной национальной культуры, совсем иного склада, иной индивидуальности, рассказывает о том же великом обновлении, которое принесла ему и его народу Октябрьская революция. «Раз в год, говорило поверье, в ночь под Ивана Купала, земля на несколько мгновений раскрывает свои тайны,— вспоминает Янка Купала.— И тому, кто ровно в полночь найдет цветок папоротника, откроются все земные дары, несметные клады и богатства,— этот человек найдет свое счастье То было очень древнее поверье. Оно передавалось из поколения в поколение. Угнетенный белорусский народ мечтал о грядущем счастье и в прекрасных легендах выражал свои мечты

Но проходили весны, проходили купальские ночи А сказочный папоротник все не расцветал.

Когда-то я писал стихи о Ивановой ночи Но не в июньскую ночь расцвел волшебный папоротник, он начал цвести в грозные Октябрьские дни, в суровые годы гражданской войны, когда белорусский народ боролся с интервентами».

. На сторону революционного народа с первых же дней Октября перешли и лучшие представители старой писательской интеллигенции: Блок, Брюсов, Вересаев и другие.

Брюсов славит «Великий Октябрь», преобразивший сумрачную осень в ликующую, спасительную весну

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть,—
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть.

Александр Блок пишет знаменитую поэму «Двенадцать», где создает образ революции — всеочищающей стихии, которая разрушает до основания старый, дряхлый и злой мир

В очи бьется
Красный флаг,
Раздается
Мерный шаг,

Вот — проснется
Лютый враг.

И выюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

Блок воспеваёт в революции стихийное начало, для него революция — «эпоха вихрей и бурь», «бурный поток, в котором несутся щепы цивилизации», революция прекрасна своей разрушительной силой, обрекающей на гибель всех, кто кровно связан со старым миром, в том числе и буржуазную интеллигенцию.

В Октябрьские дни Блок особенно много думает над проблемами *интеллигенции и революции* и призывает интеллигенцию безоговорочно отдать все свои силы служению новому миру — «всем телом, всем сердцем, всем сознанием» слушать музыку революции. Надо переделать все, устроить так, чтобы «все стало новым, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью». Жить стоит только так, чтобы предьявлять безмерные требования к жизни все или ничего, ждать неожиданного; верить не в «то, чего нет на свете, а в то, что должно быть на свете, пусть сейчас этого нет, и долго не будет. Но жизнь отдаст нам это, ибо она прекрасна».

Поняв, что Россия — это революционный народ, а не горсточка буржуазных интеллигентов, мнящих себя солью земли, что революция делает жизнь чистой, справедливой, прекрасной, Блок все же не преодолел в себе интеллигентского анархизма

Пафос разрушения заслонил утверждающее, созидательное начало революции. В этом противоречие Блока.

Следы интеллигентского анархизма — преувеличение и поэтизация стихийного начала в революции — присущи и Брюсову и многим другим писателям старшего поколения, а также и некоторым молодым писателям.

В письме к Горькому от 31 июля 1919 года Ленин писал о буржуазной интеллигенции, об «остатках аристократии», которые «великолепно умеют извращать все и вся, великолепно хватаются за любую мелочь для излияния своей бешеной злобы против Советской власти» Но в этом же письме Ленин отмечал, что «каждый месяц в Советской республике растёт % буржуазных интеллигентов, искренно помогающих рабочим и крестьянам»¹

О размежевании даже самых юных хорошо сказано в автобиографии В. Луговского: «И вот как-то собрались мои одноклассники на общее собрание, и вдруг все поняли, что мы, шестнадцатилетние юноши, разделены одной непроходимой чертой. Одни не помнили и не узнавали других.. «Октябрь» оказался великим поворотом для всего моего поколения».

Поворот действительно был великим и решающим, и самые лучшие, честные из молодежи, воспитанной буржуазно-аристократической культурой начала XX века, рвут с прошлым и, до потрясения ощущая высокую правду эпохи, самозабвенно идут в революцию

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 348

«В Советской рабоче-крестьянской республике,— писал Ленин в 1920 году,— вся постановка дела просвещения, как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, то есть за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком»¹.

Духом классовой борьбы пролетариата, пафосом созидания нового мира и борьбы со старым были пронизаны произведения писателей передового, революционного лагеря, который возглавляли Горький, Маяковский, Серафимович, Демьян Бедный.

В этом лагере нашли опору лучшие представители старой интеллигенции, перешедшие на сторону революции. Здесь находили помощь, поддержку, руководство и молодые литераторы, жадно тянувшиеся к новой, социалистической культуре.

Трудно переоценить огромное значение, организующе воспитательную роль лучших представителей социалистической литературы того времени. Максим Горький, В. Маяковский, Демьян Бедный, А. Серафимович неустанно собирали способных, творческих людей и воспитывали их.

С первых же дней Октября Маяковский утверждает художественное творчество как борьбу за коммунизм, борьбу за революционное преобразование действительности. В программном произведении «Поэт — рабочий» он с гордостью говорит о связи поэта с рабочим классом, о том, что поэт и рабочие разными способами делают одно и то же дело — куют победу нового мира.

Я тоже фабрика.
А если без труб,
То, может,
мне
без труб труднее

Своим могучим, крепким, как сталь, бьющим врага наповал стихом Маяковский беспощадно громит декадентскую литературу, всех и всяческих представителей «чистого искусства» — этих «длинноволосых проповедников» «эстетического старья».

«В чем насущность сегодняшней поэзии?» — задает вопрос Маяковский в 1918 году. И отвечает:

«Да здравствует социализм» — под этим лозунгом строит новую жизнь политик

«Да здравствует социализм» — этим возвышенный идет под дула красноармеец

«Днесь небывалой сбывается былью социалистов великая ересь», — говорит поэт

Если б дело было в идее, в чувстве — всех троих пришлось бы назвать поэтами

Идея одна. Чувство одно.

Разница только в способе выражения

У одного — политическая борьба.

У второго — он сам и его оружие.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 291.

У третьего венки слов»¹.

Выступая в том же 1918 году на диспуте «Пролетариат и искусство», Маяковский заявил: «Внеклассового искусства нет». По Маяковскому, подлинный поэт только тот, кто в обстановке обостренной классовой борьбы верно служит народу, отдает свое перо в арсенал вооружения пролетариата.

Поэт должен действительно участвовать в революционном преобразовании жизни — вот принцип новой, социалистической эстетики, принцип, который лег в основу всей поэтической деятельности Маяковского.

Этим же принципом руководствовался и Демьян Бедный. В 1917 году он писал

Мой твердый, четкий стих — мой подвиг ежедневный
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне судья прямой, нелицемерный

Традиции Некрасова, традиции революционно-демократической литературы явно чувствуются в тоне, ритме, лексике стиха Демьяна Бедного.

Своим твердым, четким, демократическим стихом, народным юмором, беспощадной сатирой, героическим пафосом Демьян Бедный верно служит молодой советской республике; он воспекает ее победу, ее борьбу, беспощадно разит ее врагов.

С самого начала гражданской войны и до ее окончания Д. Бедный ездит с фронта на фронт, выступает перед бойцами Красной Армии, часто тут же, на фронте, сочиняет стихи и песни.

Не расстается в те годы с фронтовым блокнотом и военный корреспондент «Правды», тогда уже маститый писатель Александр Серафимович.

В 1918 году в «Правде», под рубрикой «Впечатления», без заглавия был напечатан очерк Серафимовича о политкомах Красной Армии (впоследствии этот очерк получил название «Политком»). «Как из весенней земли,— начинает свой очерк Серафимович,— густо и туго пробиваются молодые ростки, так из глубоко взрытого революционного чернозема дружно вырастают новые учреждения, люди, новые общественные строители и работники. И не потому появляются и живут, и крепнут, и развиваются, что новые учреждения вновь организуют сверху, новые должности вновь создают сверху, а потому, что в рабочей толще и в толще крестьянской бедноты произошел какой-то сдвиг, какие-то глубокие перемены, которые восприняли эти новые ростки и дали им почву»².

Разбуженные революцией творческие силы народа были той благодарной почвой, тем живительным источником, который давал рост и крепость новой, социалистической культуре

* * *

«Еще один раз родиться,— читаем в «Городах и годах» Федина,— еще один раз, боже мой! Через сто лет. Чтобы увидеть, как люди плачут при одном упоминании об этих годах, чтобы где-нибудь поклониться истлевшему куску знамени, почтить оперативную сводку штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии! Ведь вот,

¹ В. Маяковский, Полн. собр. соч. в 12-ти томах, Гослитиздат, М. 1939, т II, стр 468.

² А. Серафимович, Собр. соч., Гослитиздат, М. 1948, т VIII, стр 185

смотрите, смотрите! — ветер рвет, полощет дождем отлипшую от забора, обмазанную тестом газету. А ведь через сто лет кусочек, частичку этого листа человечество в антиминс зашьет, как мощи, как святая святых!.. Через сто лет родиться и вдруг сказать: а я жил тогда, жил в те годы! И однажды в Питере рыл окопы вот этими руками, шел по пустынной улице, по городу, который умирал и дрался, дрался и умирал, шел под руку с солдатом Красной Армии, вот этой, вот, вот — смотрите — вот этой рукой держал вот так красноармейца!»

В этих словах старого петербургского профессора, который вместе с рабочими и красноармейцами рыл окопы, обороняя город от белых банд Юденича, передана суровая, страстная, напряженная, полная взрывов и диссонансов музыка революции, музыка борьбы, ломки, крушения старого мира во имя строительства нового общества, во имя великих идей коммунизма

Эта музыка революции слышна и в повести Б. Лавренева «Ветер», где «Балтийского флота первой статьи минер Гулявин Василий — и ничего больше» превращается в большевика и депутата, который вместе с миллионами других Гулявиных хочет перестроить всю землю. «По-настоящему, чтоб навсегда без войн, без царей, без буржуев обойтись..»

Ветер, неистовый, пронзительный, яростный, безудержный ветер сопутствует всем событиям повести, открывает перед ее героями революцию во всю ее ширь.

Пафос революции, разрушающей старый, страшный, косный мир, революционный демократизм, поэтизация революционной стихии отличают и повести Лидии Сейфуллиной «Перегной» и «Виринея», и повесть А. Малышкина «Падение Даира», и «Бронепоезд 14—69» Вс Иванова, и многие другие, столь разные по особенностям стилиевой манеры произведения. Но авторы этих книг, поэтизируя стихийность народного движения, недооценивают сознательное начало в революции. Здесь изображен пока лишь «бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов»¹ поток революционной стихии

Пафос книг А. Серафимовича, Дм. Фурманова, Ф. Гладкова, А. Фадеева — писателей, уже прошедших большевистскую школу пролетарской борьбы, — в утверждении созидательной силы революции и решающей роли коммунистического сознания в борьбе широких народных масс.

В предоктябрьский период Горький, основоположник литературы социалистического реализма, в романе «Мать» противопоставляет порабощению, разрушению, разъединению людей в капиталистическом обществе — организацию, соединение народа в единое великое целое для революционной борьбы; преступлениям злых и жадных чудовищ капитализма — величайший гуманизм рабочих, ведущих борьбу за свободу, за социализм.

Живая, одухотворенная великой идеей социализма деятельность русского рабочего Павла Власова гуманна в самом лучшем смысле этого слова, ибо она направлена на разрушение зла, мерзости эксплуататорского общества и на создание единственно справедливого и счастливого общественного строя.

Горьковский пафос воли, большевистской сознательности, эстетика, проникнутая духом пролетарского гуманизма, послужила фундаментом молодой советской литературе.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 241.

Показывая в романе «Чапаев» взаимоотношения комиссара-большевика Клычкова с командиром Чапaeвым, Фурманов художественно утверждает великое значение социалистического сознания в революционной борьбе.

Чапаев — олицетворение всего неукротимого, стихийного, гневного, протестующего, что за долгое время накопилось в крестьянской среде. Но стихия — «черт ее знает, куда она может обернуться». Относясь «подозрительно» к стихийной партизанщине, Федор Клычков с большой чуткостью и умением устанавливает свои отношения с новой средой, устанавливает их с тем расчетом, чтобы «не самому в этой среде свариться, а наоборот, взять ее под идейное влияние. Брать надо с головы, с вождя, с Чапаева; на него и направил, на нем и сосредоточил Федор свое внимание».

Результаты этого идейного руководства оказались самыми благотворными, дружба между Клычковым и Чапaeвым росла и крепла, — она явилась залогом новых успехов, новых побед революционного дела.

В «Разгроме» Фадеева изображена та же организующая, решающая роль большевистского сознания в революционной борьбе широких народных масс.

Партизанский отряд, истории которого посвящен роман, неоднороден в своем социальном составе; здесь и революционер-профессионал, большевик Левинсон в качестве руководителя отряда, и крестьяне (Кубрак, Метелица), и рабочие (Бакланов, Дубов, Гончаренко, Морозка), и случайные люди, буржуазные интеллигенты (Мечик и Чиж).

Дубов и Бакланов — выразители наиболее классово сознательной части партизан — рабочих. Это цельные, благородные люди, стойкие борцы за революцию; без них неминуемо распался бы столь пестрый по своему составу отряд.

Руководитель отряда большевик Левинсон настойчиво, терпеливо воспитывает в людях новые, коммунистические черты характера. Особенно тонко, психологически убедительно показывает Фадеев то облагораживающее влияние, которое оказывает Левинсон на грубоватого, неуравновешенного партизана Морозку. От анархического бунтарства Морозка совершает закономерный переход к сознательному революционному подвигу.

Большевистское руководство стихийным движением крестьянской бедноты правдиво изображено и в «Железном потоке» Серафимовича.

В начале повести «нет рот и батальонов, полков — все перемешалось, перепуталось. Идет каждый где и как попало». Впоследствии эти же самые люди организовано, послушно и гибко, рота за ротой, батальон за батальоном выполняют приказания командиров, идут в бой за власть Советов.

Теме созидательной силы революционного народа посвящен и рассказ Гладкова «Зеленя», где речь идет о событиях гражданской войны в казачьих станицах на Кубани — борьбе крестьянской бедноты («городовиков») с казачьим кулачеством и белогвардейцами.

Основные действующие лица рассказа: медсестра-подросток Дуня, мальчик с ружьем за плечами, прибывший вместе с матросом, и пятнадцатилетний Титок. Титок, идя в бой, получает первое крещение, а мальчик с ружьем с гордостью говорит о себе: «... я в революции уже год... у меня революционная идея».

Титок, Дуня, безымянный мальчик с ружьем — только что начинающая жить молодежь, «зеленя» революции. Они все трое гибнут, но их простой, естественный

и в то же время романтический подвиг бессмертен, дает новые, щедрые, обильные всходы.

Слова о бессмертии народа в его труде и борьбе Титок впервые слышит из уст солдата, который вместе с ним шагает в окопы: «С народом никакая сила не справится Генералы да эксплуататоры были — и нет их А народ живет и множится Он — как земная растения. сколь ни топчи, ни ломай ее — она растет еще гуще Народ — сила вечная, неистребимая» Эти слова подтверждают основную идею рассказа

В 20-е годы перед советской литературой особенно остро и властно встала тема возрождения человека из народа в условиях социалистической революции

«Эксплуатируемые, — писал Ленин, — крепнут, мужают, растут, учатся, скидывают с себя «ветхого Адама» наемного рабства по мере того, как растет сопротивление их врагов — эксплуататоров Победа будет на стороне эксплуатируемых, ибо за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самодостаточного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «простонародья», рабочих и крестьян За ними победа»¹.

Впервые простой человек, освобожденный от гнета эксплуататорского общества, почувствовал себя творцом истории, хозяином жизни, ощутил свою ценность как личности

В рассказе Серафимовича «В огне» один из таких людей говорит. «А ты разуй глаза какой день для трудящихся начинается! Гляди, ты гляди, что будет! Вольная жизнь, ласковая жизнь, и счастья полна человеческого».

Книги этих лет проникнуты пафосом любви и гордости за простого трудящегося человека, возрожденного революцией и призванного ею к великим историческим делам.

Разные писатели по-разному подходили к теме революции, судеб рядового человека в ней. Так, некоторые из них, преимущественно выходцы из мелкобуржуазной среды, преувеличивали роль стихийного начала в революции, поэтизировали стихийные силы.

Но и они решают тему оптимистически, в соответствии с реальной действительностью, ибо знают и верят, что победа за народом, что народ становится единственным хозяином новой жизни

* * *

Молодые писатели и писатели старшего поколения, как бы заново рожденные Октябрем, каждый по-своему, в силу особенностей своего стиля, своей манеры передают героизм революционной борьбы — высокую правду эпохи.

Писатели эти явились подлинными новаторами, ибо выразили в искусстве не бывалые исторические сдвиги — события по размаху, по силе, по содержанию знаменующие новую эру в мировой истории; они сказали новое слово в искусстве, новое во всем: в теме, в расстановке социальных сил, в выборе и характере героев, определяющих и движение сюжета и композицию, а также в самом ритме — темпе произведений Только очень близорукие люди не видели этой пленительной новизны

¹ В. И Ленин, Сочинения, т 26, стр. 364

Так, Горький, несколько раздраженно и потому слишком расширительно толкуя явление, писал Федину по поводу тех, кто не понимал, что стиль романа «Города и годы» обусловлен новой, революционной действительностью: «Почти все современные молодые писатели и поголовно все критики не могут понять, что ведь писатель-то ныне работает с материалом, который зыблется, изменяется, фантастически соединяя в себе красное с черным и белым. Соединяя не только фантастически, но и неразрывно».

Это новое, особенно явственно выступая в жанре произведений, видоизменяло и обогащало тот или иной жанр, давая неограниченные возможности развитию индивидуальных особенностей писателя, развитию его творческой инициативы.

Речь идет о расширении границ того или иного жанра, об известной его синтетичности, которая не только не обедняла, но всемерно обогащала жанр и романа, и повести, и очерка.

Еще Белинский писал, что «пограничные линии» жанра «существуют больше предположительно, нежели действительно; по крайней мере их не укажешь пальцем, как на карте границы государства. Искусство по мере приближения к той или иной своей границе постепенно теряет нечто от своей сущности и принимает в себя от сущности того, с чем граничит, так что вместо разграничивающей черты является область, примиряющая обе стороны»¹.

Революционная эпоха, с такой щедростью открывая новые, небывалые области действительности, когда простой человек из народа становился хозяином истории, творцом жизни, конечно должна была способствовать разрушению «пограничных линий» в искусстве; это разграничение помогало художнику живее, непосредственнее вмешиваться в жизнь, наиболее всесторонне и непосредственно воздействовать на читателя. Романист в какой-то мере становился и мемуаристом, и очеркистом, и научным исследователем, а очеркист, в свою очередь, обогащал свой жанр всем тем, что ему необходимо было взять из смежных областей искусства и науки.

Так, книгу Дм. Фурманова «Чапаев», конечно, можно назвать романом, но в то же время она носит и документальный характер, в ней есть и элементы политической сатиры, и публицистики, и лирики, и философских раздумий по вопросам эстетики, этики, морали, политики; синтетичен в известной мере жанр и «Железного потока» А. Серафимовича, и «Городов и годов» Федина, хотя всем очевидно резкое различие этих трех книг и по материалу, и по манере письма, и по мере синтетичности.

Сочетание торжественно-патетической лексики с народным языком, юмора с героикой, лиризма с суровой эпичностью — характерные черты стиля советской прозы 20-х годов. В своей статье, посвященной работе над «Цементом», Гладков метко охарактеризовал эти стилевые особенности, говоря о «живописности», о «лирике красок», на фоне которых возникает «самоотверженная борьба, как в народных поэмах и балладах».

Конечно, не следует думать, что новое в искусстве рождалось сразу, легко и просто. Нет, оно рождалось в суровой борьбе со старым, которое ему всячески противодействовало, толкая на ошибки и заблуждения.

¹ В. Г. Белинский, Собр соч в 3-х томах, Гослитиздат, М. 1948, т III, стр 805

Ник. Тихонов пишет в автобиографии «Поиски лучшей формы иногда заводили меня в дебри слишком формальных исканий».

Об этом же, но более подробно говорит и татарский писатель Кави Наджми «...Читая заповсем литературные «новинки», слушая выступления поэтов разных литературных групп (имажинистов, ничевоков и др.), я по неопытности решил, что произошел какой-то переворот в самом смысле слов, и стал выводить по «новейшим образцам» запутанные, несуразные строки К моему счастью, эта болезнь левизны быстро прошла. Сами читатели убедили меня, что словесные выкрутасы никому не нужны...»

Формалистские увлечения того времени Федин образно назвал «литературной корью». «Сравнительно легко, — пишет он, — я болел ею в первоначальный период своей литературной школы и как будто вылечился в момент работы над «Садом». Но уже через год, попав в самое пекло тогдашней молодой литературы, опять заразился; по первой моей книге («Пустырь») легко судить, как протекала болезнь — жар любви к образной речи, ритмический озноб, легкий бред сказом».

В первые годы революции в области идеологии, в том числе и в литературе, шла острая, беспощадная борьба с чуждыми, антимарксистскими взглядами. В литературе писатели передового лагеря во главе с Горьким, Маяковским, Серафимовичем, Фурмановым, Демьяном Бедным вели борьбу с представителями всякого рода враждебных революционной действительности теорий и групп — декадентами — символистами, имажинистами, акмеистами и варьирующими их установки на свой лад, возникающими внезапно то тут, то там эпигонскими группочками ничевоков, фуистов, биокосмистов, презентистов, псевдофутуристов, экспрессионистов и проч.

В Петрограде, в особняке на Бассейной, возник Дом литераторов, где задавали тон журналисты закрытых либеральных газет. Они сделали своим знаменем журнал «Вестник литературы». Эти «люди пережитков», как их называл Горький, под флагом аполитизма, «чистого искусства», «искусства для искусства» вели злую борьбу с молодой революционной литературой.

«Вестник литературы» был не одинок. «Записки мечтателей», «Литературные записки» — эти буржуазно-реакционные издания рьяно проповедовали «чистое искусство», эстетство и формализм.

На обложке «Записок мечтателей» был нарисован денди в цилиндре и накидке на фоне туманного Петербурга. В полной боли и гнева статье «Русские денди» Александр Блок характеризует декадентскую интеллигенцию послеоктябрьского периода словами некоего собирательного героя — петербургского денди, рассказывающего о себе: «Я слишком образован, чтобы не понимать, что так дальше продолжаться не может и что буржуазия будет уничтожена. Но если осуществится социализм, нам остается только умереть; пока мы не имеем понятия о деньгах; мы все обеспечены и совершенно неприспособлены к тому, чтобы добывать что-нибудь трудом. Все мы — наркоманы, опиисты; женщины наши — нимфоманки. Нас — меньшинство, но мы пока распоряжаемся среди молодежи: мы высмеиваем тех, кто интересуется социализмом, работой, революцией. Мы живем только стихами; в последние пять лет я не пропустил ни одного сборника. Мы знаем всех наизусть — Сологуба, Бальмонта, Игоря Северянина, Маяковского, но все это уже пресно; все это кончено. Ведь мы пустые, совершенно пустые».